

Иоанна Яблковска

Немецкие нарушения табу
(на примере последних текстов Мартина Вальзера)

I.

Интеллектуальные дискуссии отличали немецкий культурный ландшафт с XVIII века и даже со времени Реформации. Чаще всего их главной темой были основополагающие мировоззренческие, часто политические вопросы. Лессинг ли против пастора Геце, Гейне ли против Берне, Генрих ли против Томаса Манна – эти литературные противостояния вошли в историю литературы, стали символами своей эпохи. После 1945 года занятия немецкой историей спровоцировали усиление интеллектуальных дебатов, нередко переходящих в споры, взаимные обвинения, непримиримые столкновения. Пиком этого стал в 1986 году – после речи Рихарда фон Вайцзекера 8 мая 1985 года – так называемый «спор историков», начатый Эрнстом Нольте и Юргеном Хабермасом. «Прошлое, которое не хочет уйти» настигло спустя сорок лет немецкое настоящее с новой силой. Спор о мемориале Холокоста в Берлине и о выставке, посвященной Вермахту, так называемая дискуссия Гольдхагена, а также литературный спор после опубликования «Похвалы Ясару Кемалю» Гюнтера Грасса в 1997 году показали, что интеллектуальный разговор, риторика речи, языковая формулировка, употребление метафор, т. е. литературные инсценировки особенно в вопросе преодоления национал-социализма выходят на передний план по сравнению с объективной политической аргументацией по существу. Особенно явно это проявилось в споре о Мартине Вальзере.

Немецкие средства массовой информации посвящают этому автору все больше и больше внимания. В то время как

его выступления в 70-е годы воспринимались еще довольно спокойно, речь о Германии в 1988 году вызвала уже волну протеста. Спор о речи Вальзера при вручении ему Премии мира немецкой книжной торговли в 1988 году вошел в историю литературы. Игнац Бубис, тогдашний председатель Центрального еврейского совета в ФРГ, назвал Вальзера «духовным поджигателем» и вызвал этим обвинением дискуссию в средствах массовой информации, длившуюся более трех месяцев. Речь Вальзера комментировалась и интерпретировалась не только в прессе, но и в научных статьях и монографиях¹. Последняя книга Дитера Борхмайера «Мартин Вальзер и общественность. О недавнем недостойном тоне в отношении писателя» (Франкфурт-на-Майне, 2001) свидетельствует о непрекращающемся интересе к речи Вальзера при получении Премии мира.

II.

Менее заметной оказалась речь автора по случаю 8 мая 2002 года (опубликованная во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» 10.05.2002), которую он произнес по приглашению бундесканцлера в боннском Вилли-Брандт-Хаусе, хотя она повторяла важнейшие положения публицистики Вальзера. Последние были сформулированы в ней еще более провокационно, чем в речи при получении Премии мира. Однако в этот раз не нашелся второй Игнац Бубис для официального

¹ К важнейшим относятся: M. Zuckermann, *Von Erinnerungsnot und Ideologie // Gedenken und Kulturindustrie*. Berlin und Bodenheim bei Mainz: Philo, 1999, S. 9-32; M. Brumlik, H. Funke, L. Rensmann, *Unkömpftes Vergessen. Walser-Debatte, Holocaust-Mahnmal und neuere deutsche Geschichtspolitik*. Berlin 1999; J. Klotz, G. Wiegel (Hrsg.) *Geistige, Brandstiftung. Die neue Sprache der Berliner Republik*. Berlin 2001 und J. Rohloff, *Ich bin das Volk. Martin Walser, Auschwitz und die Berliner Republik*. Hamburg 1999. Алейда Ассман приняла дискуссию о Вальзере за отправную точку своей работы о немецкой истории после 1945 года: A. Assman, U. Frevert: *Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit: Von Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945*. Stuttgart 1999. В июле 2000 года появилось третье издание *Text und Kritik* (Martin Walser, 41/42, 2000). В статье Вольфрама Шютте затрагивается проблематика речи Вальзера. Важная статья появилась в DVjS: Amir Eshel, *Vom eigenen Gewissen. Die Walser-Bubis Debatte und der Ort des Nationalsozialismus im Selbstbild der Bundesrepublik // Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte* 2 (2000), S. 333-360. Ср. также: *Zwischen Heimat und Nation. Das deutsche Paradigma? Zu Martin Walser*. Tübingen 2001.

протеста, из которого бы развился спор, заинтересовавший широкую общественность.

Автор посвятил много места национальному вопросу, восхищался появлением различных наций, среди прочего польской, и заявил, естественно, о своей принадлежности к немецкой. Очевидно, что автор настаивает на таком понятии нации, которое не совпадает с определениями ее в современной науке. Ближе всего его понимание данного феномена может быть представлено в виде внеисторической и эмоциональной связи – она соответствует тому чувству общности людей, которое может быть названо «общей судьбой».

В своей речи 8 мая 2002 года Вальзер объявил Германию политической нацией еще до основания (Второго. – *Прим. переводчика*) Рейха: «Еще задолго до нашей государственности мы уже были немецкой нацией, и не только культурной нацией, но также и оформляющимся политически обществом одной судьбы...» Пример, приводимый автором, просто обескураживает: «Как в течение почти целого XIX века, с 1823 по 1888 год, строился Кельнский собор, если вы хотите соотнести это с большой традицией, так почти в то же время оформилось в Первом Рейхе единство нации, единство, к которому все так давно стремились». Тот факт, что Вальзер, говоря об основании Рейха, не вспоминает ни о прусско-австрийской, ни о прусско-французской войне – не о Бисмарке, а о Кельнском соборе, свидетельствует о том, что автор опирается на культурную традицию, имеющую основой более консервативно-воинственный государственный национализм XX века, чем, например, критичное, не доверяющее любым идеологиям сознание Генриха Гейне. Однако Вальзер, как опытный риторик, пользуется топосом, который для многих слушателей и читателей, особенно в том регионе, где он произносил свою речь (а произносил он ее в Бонне), виден и очевиден. Вальзер признал нехорошее развитие запоздавшей нации, однако его причиной он объявил, как и ранее во многих своих сочинениях и интервью, с теми же формулировками и часто со ссылками на Голо Манна, Первую мировую войну, «мать всех катастроф XX века». Он снова опирался здесь на известный топос: «Без этой войны не было бы Версаля, без Версаля не было бы Гитлера, без Гитлера не было бы Второй мировой войны, без Второй мировой не было бы того, что определяет сейчас наше сознание и чувства, когда мы думаем о Германии». Риторика этого предложения необыкновенно

проста. Сначала происходит историческое смешение причины и следствия, и на таком абстрактном уровне, что изымает из названных исторических событий миллионы их участников, развивая теорию национальной судьбы. Во второй же части этого предложения идет речь о коллективе, о «нас», очевидно, о «немцах», и автор сожалеет о том, что немецкое чувство определяется чем-то таким, происхождение которого нужно искать во Второй мировой войне. Можно почувствовать, как это не конкретизируемое автором «что-то» ему неприятно и тяжело. О разделе Германии как политическом следствии Второй мировой войны и Холокоста Вальзер говорил в мае 2002 года с таким гневом, как будто две Германии еще существовали и как будто история это уже давно не исправила. В продолжение своей речи он подчеркнул право на собственную совесть и заявил о неприемлемости внешних оправданий. Он стал говорить о счастливейшем моменте немецкой истории, о 9 ноября 1989 года, и в этой связи прозвучало: «Тюрингия и Саксония, Силезия и Восточная Пруссия стали для меня из книг и рассказов любимейшими ландшафтами».

Двенадцать лет спустя после воссоединения, после которого потеря Саксонии и Тюрингии стала давно неактуальной, формулировка Вальзера, казалось, напоминает о претензиях на Силезию и Восточную Пруссию. Возможно, это не входило в намерения автора. Но Мартин Вальзер предоставил слушателю, а затем и читателю это предложение без объяснений, как его понимать, в день 8 мая (День победы над гитлеровской Германией, отмечаемый на Западе. – Прим. переводчика).

III.

Вскоре после речи Вальзера по случаю 8 мая во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» было опубликовано 29 мая открытое письмо Франка Ширрмахера Мартину Вальзеру. Ширрмахер написал, что газета не будет публиковать роман Вальзера «Смерть критика», поскольку книга представляет собой «не что иное, как фантазии об убийстве» и речь в ней идет об «убийстве еврея». Франк Ширрмахер увидел в книге «желание унижить, силу отрицания», весь репертуар антисемитских клише. И он был возмущен. «Но все это не направлено против главной мысли книги. Смерть, комиссия

по расследованию – все это перекликается здесь с воспоминаниями о массовых убийствах нацистов»². Роман Вальзера был опубликован только в конце июня и сразу же раскуплен, поскольку, как и предполагалось, открытое письмо Ширрмахера вызвало общественный спор, сразу же подхваченный ведущими журналами. «Ди Цайт» 6 июня 2002 года, «Шпигель» 3 и 10 июня посвятили роману серьезные редакционные статьи. «Тац» берет интервью у Вальзера уже 30 мая, а «Зюддойче Цайтунг», «Нойе Цюрхер Цайтунг», «Ди Вельт» и другие газеты и журналы сразу же включаются в спор. В то время как речь при получении Премии мира и спор Вальзера с Бубисом не вызвали широкого отклика в польской прессе, последние события нашли для себя, очевидно, благодатную почву: слово «антисемитизм» и личность Марселя Райх-Раницкого сыграли здесь свою роль. Уже 16.6.2002 г. в «Газете wyborчей» появилась большая и информативная статья Петра Бураса под названием «Афера Вальзера», которая довольно точно описала данную контроверзу и представила ее польским читателям как серьезную внутреннюю немецкую проблему. Журнал «Впрост» напечатал 16.6.2002 г. интервью с Райх-Раницким, а польский «Ньюсуик» опубликовал статью, в которой затронул деятельность Раницкого в качестве агента госбезопасности в Польше до выезда его в ФРГ.

Марсель Райх-Раницки, черты которого заметны в герое романа Вальзера «Смерть критика», выразил свое смущение и озадаченность и утверждал, что он скорее сожалеет, чем питает злобу к Вальзеру. Удивительно, что Раницки отреагировал в этот раз так резко. За четыре года до этого, после речи Вальзера при получении Премии мира, он был довольно спокоен и не разделял упрека Игнаца Бубиса автору в антисемитизме³: «Я предложил бы употреблять это слово (антисемитизм) только в исключительных случаях. Ибо его необдуманное, инфляционное употребление затемняет то, что необходимо подлежит разъяснению (...) Мартин Вальзер является в ваших глазах латентным антисемитом. Я знаю и читаю Вальзера с 50-х годов (...) И он, возможно, (...) страдал от моей критики его книг. Я знаю, нередко я был к нему несправедлив (...) Но я также

² F. Schirmacher, "Tod eines Kritikers". *Der neue Roman von Martin Walser. Kein Vorabdruck in der F.A.Z. // "Frankfurter Allgemeine Zeitung"*, v. 29.5.2002, S.45.

³ Schirmacher v. Wolfgang Hübner, Mathias Schreiber..., S. 185; M. Schreiber, *Da wurde viel beschdigt // "Der Spiegel"*, v. 10.6.2002.

знаю – Мартин Вальзер не антисемит (...) Но все-таки нельзя отрицать упрека Вальзеру, что его речь, произнесенная в Паульскирхе⁴, была безответственной (...) Он оказался несостоятельным и как оратор, и как литератор. Я не вижу в его речи ни одной действительно отталкивающей мысли. Но в ней полно неясных и расплывчатых представлений и формулировок, которые могут быть и – этого следовало ожидать – должны быть неправильно поняты» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 2.12.1998).

Так разумно, как осенью 1998 года, уже не вел себя критик летом 2002 года – когда дело коснулось его лично. Он спровоцировал в прессе ссору, которую следовало бы скорее назвать скандалом, чем серьезной литературной дискуссией. Этот скандал «Ширрмахер-Вальзер-Райх-Раницки» свидетельствует о том, что в журналистике не всегда важно качество литературы – важнее, очевидно, то, что в общем называется рыночной политикой СМИ. Новая, опубликованная в конце июня 2002 года, книга Мартина Вальзера появилась, очевидно, как раз вовремя для того, чтобы еще более усилить спор об антисемитизме, спровоцированный выступлениями Юргена Меллеманна. Нельзя было избавиться от мысли, что отношение немцев к своей истории и их серьезное рассмотрение своих национальных проблем стали в этом споре вторичными. Для СМИ важна та тема, которая увеличивает тираж. Томас Штайнфельд уточнил это уже 31 мая: «(...) Мартин Вальзер написал свое сочинение неизвестно по каким причинам от первого лица (...) в надежде, что к этому отнесутся с пониманием и осторожностью. И газета, естественно, имела возможность сказать своему старому сотруднику Мартину Вальзеру о том, что она не может допустить публикации книги, в которой дискредитируется другой ее старый сотрудник, а именно Марсель Райх-Раницки. Так лояльно, так доверительно, однако, газета не поступила (...) Она использовала свою исключительность (...) для того, чтобы вынести общественный приговор, который из-за отсутствия необходимых сведений не может быть никем проверен» (*Süddeutsche Zeitung*, 31.5.2002).

Франк Ширрмахер мог бы написать Мартину Вальзеру личное письмо, не публикуя его в газете, отказаться печатать

⁴ В Паульскирхе во Франкфурте-на-Майне вручается Премия мира немецкой книготорговли. Там Вальзер произнес свою благодарственную речь 11.10.1998 г.

книгу, передавая решение о публикации ее в издательство, а право на вынесение приговора – читателю. Он повел себя как цензор, и еще вопрос, моральное ли негодование было тому причиной. Литературоведение должно документировать и этот спор. Он, без сомнения, интересен для социологов и исследователей, занимающихся средствами массовой информации, и является подтверждением того, что историческая чувствительность немецкой общественности весьма бдительна – это является позитивным феноменом. Такой чувствительности можно пожелать каждой нации. С другой стороны, ею можно легко манипулировать. Дискуссия была бы не столь сильна, и возможно не возникла бы вообще, если бы роман был понят в качестве ключевого произведения в творчестве Вальзера и «только» порочил бы общественных деятелей. Упрек в антисемитизме в ФРГ весит гораздо больше, чем упрек в намеренно карикатурном изображении кого-то с целью нанесения обиды или даже унижения. И в этом смысле нравоучительно поднятый указательный палец каждому очевиден. Вилли Винклер в своей статье «Глашатай морали из Зекингена» рассмотрел скорее не проблему романа Вальзера, а инструментализацию морали, которую он видит как в возмущенном протесте Ширрмахера против мнимого антисемитизма Вальзера, так и против оппортунистического поведения Марселя Райх-Раницкого, который озабочен не литературой или культурой, а скорее своей яркой личностью. Исходный пункт Винклера делает очень ясным разницу между настоящей деятельностью, для которой важны дело, идея, справедливость или приличие, и деятельностью, для которой важна лишь собственная персона. Это пример Эмиля Золя и его «Я обвиняю» против антисемитизма: «Сто лет назад Эмиль Золя вмещивался на свой страх и риск в дела, где его не очень желали. Он был слабым и побеждал своей слабостью сильного. Ширрмахер борется не со злом или несправедливостью, он ни разу даже не выступает против антисемитизма, он только использует биографию Марселя Райх-Раницкого для моральной прибавочной стоимости, которая с литературной критикой не имеет ничего общего (...) Не каждый раз идет речь об антисемитизме, но каждый раз о вопросе власти» (Freitag. Die Ost-West-Wochenzeitung, 21.6.2002).

Что в вальзеровском скандале лета 2002 года тревожило, так это не содержание романа «Смерть критика», но основополагающий вопрос об этике интеллектуалов, который во

времена Золя еще не стоял на повестке дня. Сегодня, независимо оттого, является ли роман Вальзера антисемитским или нет, эта этика имеет власть, и она поставлена на службу рынку. Похвалы роман Вальзера удостоился от немногих, но все-таки от Иохима Кайзера из «Зюддойче Цайтунг» от 5.6.2002 года, и Гюнтер Грасс взял своего коллегу под защиту, покритиковав стиль ведущейся дискуссии. Многие критики утверждали, что роман Вальзера слаб и непродуман, он, собственно, не антисемитский, а просто стыдный. Но, несмотря на это, он смог охватить проблемы культуры масс-медиа. В пользу этих голосов может быть процитирован Зигрид Леффлер: «Не все, о чем скандалят, уже есть скандал. Книга Мартина Вальзера скандалом не является. Она ни антисемитская, ни продукт ненависти. Это продукт обиды, и от этого еще большей любви-ненависти к своему личному критику и интимному врагу в течение всей жизни – и в этом смысле это неумно; это разоблачение всех известных слабостей характера и человеческих недостатков критика – и в этом смысле это безвкусно; это карикатура на семейную пару издателей Вальзера и других легко узнаваемых литераторов – и в этом смысле это стыдно; это разоблачение механизмов литературного процесса и процесса масс-медиа в условиях телевидения – и в этом смысле это очень умно и почти пророчески. Поскольку Мартин Вальзер пунктуально исследует те медиальные процессы исключения и клеветы, жертвой которых стал теперь он сам. То, что происходит с ним в обществе с 29 мая, функционирует именно так, как это описано и предсказано в «Смерти критика» – даже если та подлость, с которой автора вовлекли в западную антисемитизма, все-таки его удивит. Хотя в принципе Вальзер знает это минное поле, на котором он оперирует этим романом. Он представляет всю эту насколько примитивную, настолько и действенную технику власти критика, который тем громче кричит, чем более пустым он является, и из каждого нападения выходит еще более сильным благодаря совершенной стратегии самоиммунизации и разоружения противника. И он описывает парадоксы системы масс-медиа, которая заставляет его как автора и страдать, и наживаться»⁵.

⁵ S. Löffler, *Ein Skandal, der keiner ist. Martin Walsers „Tod eines Kritikers“ und die Kritik*. <http://www.literaturen-online.de/aktuell/kolumnen.html>

Фриц Й. Раддац, черты которого также видны в вальзеровском *Андре Эрл-Кениге*, отказал роману – как и многие другие критики – в эстетической ценности. Ульрих Грайнер воспринял случай Вальзера серьезнее и интерпретировал его глубже, хотя он назвал роман плохой шуткой, «поскольку он постоянно шутит, и нередко довольно неудачно». Как и Зигрид Леффлер, он не принял упрек в антисемитизме и даже понял желание Вальзера отомстить как реакцию на «безосновательные уничижительные приговоры» Райх-Раницкого. Но Грайнер аргументировал – очень умно – этическими обязательствами интеллектуала, перед которыми не свободны ни авторы, ни пресса. «Неконтролируемые, наполненные ненавистью, выпады Райх-Раницкого ... никому, и Вальзеру также, не дают права отплатить ему той же монетой. И не только учитывая судьбу человека, который только чудом избежал смерти в Варшавском гетто. Но прежде всего имея в виду общественную гигиену. Среди приличных людей недостойно бросаться грязью, но так же недостойно описание этого бросания грязью в литературе, чем вообще ему дается право на существование». Йенс Йессен, размышляя о поведении Вальзера в этой дискуссии, видит в его упрямом поведении ту проблему, которую использовал Франк Ширрмахер. Йессен видит в Ширрмахере большого инсценировщика, который увидел «шоу-потенциал» в Вальзеровском упрямстве и использовал его. Йессен завершает свою статью, подобно Грайнеру, вздохом сожаления: «Ах, нашей бедной второй немецкой республике необходим такой спектакль, чтобы убедиться в своем горьком прошлом». Томас Ашхойер увидел в романе Вальзера нечто более глубокое и опасное, нежели просто упрямство или желание отомстить. Ссылаясь на эссе Вальзера «Я доверяю Кверфельдайн», опубликованное впервые в «*Нойе цюрхер цайтунг*» в 1998 году, Ашхойер доказывает, что новый роман выражает отрицание гегемонии западной, еврейско-христианской культуры над немецким языком. Вальзер ищет свое исконное, немецкое. Может ли быть так интерпретирован роман «Смерть критика», остается нерешенным, но высказывание Ашхойера действительно находит свое подтверждение во многих произведениях Вальзера.

Эльке Брюнс выбрала для своей аргументации иной исходный пункт, но ее заключения весьма похожи на выводы Ашхойера. Вальзер видит, полагает Брюнс, в нации коллективное тело. Метафора тела наполнена в его текстах

конкретным идеологическим содержанием, которое поддерживает «воображаемое общество», нацию. И в последнем романе это играет большую роль: «в этом увидели антисемитизм романа – значительную близость этого текста к культурно-исторической конструкции еврейского тела, как тела иного» (*Die Tageszeitung*, 8.06.2002). Подобным же образом искал Дирк фон Петерсдорф в ранних эссе Вальзера тоску по тому, что мы имеем общего. Это стремление конкретизируется в поздних произведениях автора в национальном чувстве, у которого стоит на пути «оторвавшееся-от-корней-эго-современности». Нельзя обязательно связывать роман с этими отрицающими все рациональное стремлениями, но внушает беспокойство факт, что «индивидуумом без корней, беспринципным паяцем, который отрицает и разлагает святое», является еврей. Это нарушает табу, молчаливо принятое всеми после 1945 года. Нарушения табу, впрочем, необходимы, мы их и ожидаем от литературы. Однако, по мнению Петерсдорфа, следует указать на ничтожные, безудержно эгоцентричные и отрицающие элементарное уважение к человеку, причины этого конкретного табу (*Die Welt*, 28.9.2002).

Мартин Вальзер сам защищался от этих и подобных упреков, когда он писал, что создал сатиру на литературного критика и на современный культурный процесс. Тот факт, что Марсель Райх-Раницки, чьи черты имеет Андре Эрл-Кениг в романе, еврей, является случайностью. «Я же не сумасшедший», – говорил Вальзер в одном из интервью (*Die Welt*, 30.5.2002). После появления романа уже первые рецензии подвергли сомнению политическую безобидность сатиры. Одним из первых об этом написал во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» Ян Филипп Реемтсма. Он определил роман как антисемитский: «Вальзер, чье восприятие критики его друг Иоахим Кайзер считает фатально-патологическим, создал в романе такой мир, в котором он позволил себе выпустить на волю свою дикую, может даже ищущую смерти ненависть. ... Свое личное оскорбление Вальзер превращает в уничтожение немецкой литературы могучим еврейским вредителем, его фантазия буйствует и не находит меры. Это очень типично. Антисемитизм как образец для объяснения мира латентно представлен; ярость, в которую он впадает, направляется против еврейства. ... Является ли поэтому Вальзер антисемитом? Он не из тех, чьи произведения имели в основе набор антисемитских общих мест. Но он тот (и роман

его доказывает это), кто написал антисемитскую книгу» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 27.6.2002).

Скандал, разразившийся оттого, что влиятельнейший автор ФРГ написал антисемитскую книгу, имеет последствия: возможно даже, что одно из них может быть позитивным: несвободное до недавнего времени обращение с наследием национал-социализма становится в немецком обществе менее табуизированным. В этом смысле все-таки дискуссия по поводу речи при получении Премии мира была более продуктивна, чем в июне 2002 года, которая так фатально началась, поскольку исходила из текста, который, кроме посвященных, никто еще не мог прочесть. Отход от табу, некоторая попытка разговора о Холокосте без политически корректных границ показывает, что ранимость свойственна не только нациям-жертвам, но также и немецкому народу. Об этом говорили в 1998 году Клаус фон Донани и Рудолф Аугштайн. Но время показывает, что ранимость жертв после десятилетий политически корректных «внешних оправданий» – как выразился бы Мартин Вальзер – стала только еще более высокой. Причину, по которой память о том, что произошло, неподвластна времени, объяснила Рут Клюгер, автор вышедшей в 1995 году книги «Воспоминания живут дальше». Клюгер не высказалась по поводу речи Вальзера при получении Премии мира. Она не хотела повредить многолетней дружбе с Вальзером и промолчала. Но тут она разрушила эту дружбу и так резко, что исследователи творчества Вальзера во всяком случае должны серьезно задуматься над тезисами, которые сформулировала Клюгер. Она почувствовала себя «еврейским чудовищем», была задета, унижена, оскорблена романом. Конец ее письма весьма симптоматичен: она увидела в позиции Вальзера не только чувство культурной избранности, о котором писал Ашхойер, но повседневное, собственно тривиальное и тем не менее оскорбляющее презрение другого: «Дорогой Мартин, с тех пор как мы познакомились 55 лет назад, много воды утекло в Боденское озеро, и не только той прозрачно-сладкой, которую бы пили лебеди Гельдерлина. Тогда как раз прошла большая волна смерти, и Германия стояла перед большой волной безразличия. Затем последовала слезная волна филосемитизма. Сейчас, после некоторого отката, здесь все выглядит подобно тому, что мы, евреи, в нацистское время печально-иронически называли „старым добрым Ришес 1910 года“,

когда имело место умеренное презрение евреев широкими слоями населения всех классов, с которым (казалось) можно было жить. В твоей речи при получении Премии мира ты возопил о моральной булаве, которой тебе и другим немцам угрожает Некто. Сейчас ты опять играешь в „победителей и побежденных“, и при этом тебе самому в руки незаметно свалилась эта самая булава – но где же при этом осталась Мораль?»⁶.

Для «наивного» читателя антисемитские сигналы, о которых писали Клюгер и Реemtсма, не всегда поддаются расшифровке. Место, вызывающее наибольшее возмущение в романе, показывает в действительности инструментализацию антисемитизма для современных политических целей в критическом свете. Обсуждаться может по крайней мере лишь то, не слишком ли далеко зашел Вальзер в своей критике или он лишь бичевал кажущуюся политическую корректность масс-медиа.

Темой стало теперь убийство Гансом Лахом еврея. Андре Эрл-Кениг и Райнер Хайнер Хенкель, правда, не могли установить, был ли Эрл-Кениг евреем, но тут возник еврейский банкир Кениг из Нэнси, и ходили подозрения, что уже более чем столетняя мать, бывшая певица Клэр Косс, происходит из еврейской семьи. Потом говорит Ледер: «Если бы Эрл-Кениг был убит, потому что он был евреем, другие бы тоже имели право. Но ведь очень маловероятно, чтобы Эрл-Кениг был евреем. ... То, что пресса из этого высасывает себе темы, не вина Эрл-Кенига, – это показывает только духовное состояние беспринципной немецкой прессы». „Беспринципная пресса“ стало сразу словом, без которого никто не обходился. Другим словом Ледера для прессы стало „биржа мнений“. Но оно не привилось. Но фельетоны не могли умерить свой пыл. Почему это Ледер просто не заметил тон Гитлера в угрозе «Сегодня в ноль часов будет ответный удар»?! ... Только сейчас пресса нашла себе тему сезона⁷.

Кажется, Вальзер предугадал в этом пассаже реакцию на свою собственную книгу о критике, который имеет черты Марселя Райх-Раницкого, и высмеял ее заранее. В его романе,

⁶ R. Klüger, *Siehe doch Deutschland*. Martin Walsers, *Tod eines Kritikers* // "" v. 27.6.2002. *Walser hat Klügers und Reemtsma Vorwürfe abgelehnt*. Vg. DW: *Martin Walser über seine Kritiker und den guten Geschmack* // "Die Welt" v. 8.7.2002, S. 29.

⁷ M. Walser, *Tod eines Kritikers*. Frankfurt am Main 2002, S. 144f.

однако, речь идет об авторе, который не может справиться со своими профессиональными и личными невзгодами. Ханс Лах и Я-рассказчик, которые в конце романа сливаются в одну фигуру неудачника, очень похожи на старых героев Вальзера. Их конфликты с окружающей средой происходят из неуверенности в себе. Эта концепция героя нашла свою кульминацию в романе Вальзера «Защита детства». Однако в судьбе Альфреда Дорна отражается немецкая послевоенная история, продуктом и жертвой которой он является. Чудак, ипохондрик, неудачник и маменькин сынок стилизуются в романе Вальзера в трагическую фигуру. Дорн несет в себе последствия холодной войны и становится символом политики, которая через головы «простого человека» управляет миром. Трагикомической, почти героической величины Альфреда Дорна Ханс Лах не достигает. В то время как Альфред Дорн в роли современного Дон Кихота ведет ежедневную борьбу против разделения на Восток и Запад и через сохранение своей личной жизни пытается придать смысл большой Истории, Лах ведет свою маленькую, смешную войну против критика, чье значение только раздуто и который не стоит уж точно этой войны. Последние пассажи о мало мотивированном любовном приключении с женой издателя ничего не вносят в основную канву романа и в конце даже затемняют собственно понимание самого конфликта и его исход.

Вся соль, возможно, состоит в том, что «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», по имени Франк Ширрмахер, заботясь в начале летнего сезона о тираже, развела бурю в стакане воды, на которую литературоведению не стоит обращать много внимания. Реакция Клюгер и Реемтсма после выхода романа в свет, однако, заставляет насторожиться. Точная интерпретация романа не принесла бы здесь пока ничего, а внимательное наблюдение за политико-идеологической атмосферой в Германии, атмосферой, управляемой и инсценируемой масс-медиа, может, с другой стороны, привести к заключению, которое можно определить как «конец послевоенного времени». «Вопрос вины» кладется на полку истории. С точки зрения истории очень логично.

К чему же тогда угрызения совести?

С немецкого перевел Ю. Комов
(перевод неавторизованный)